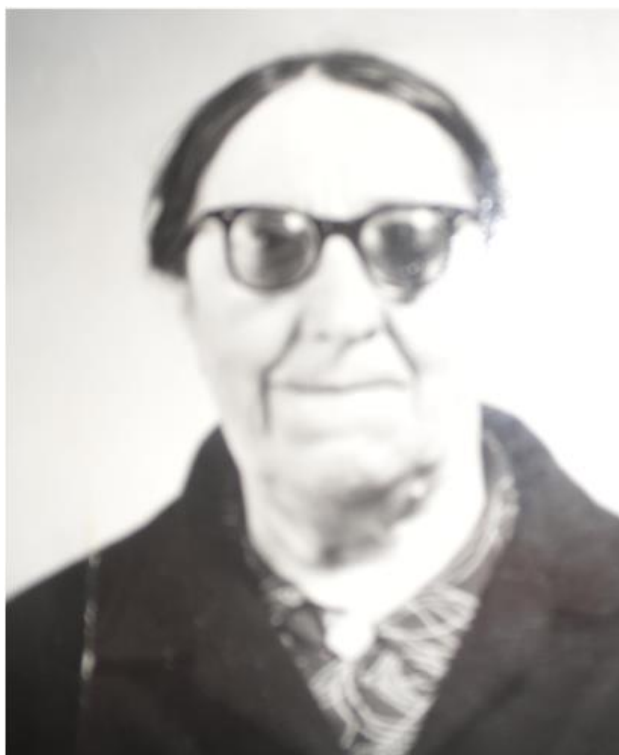

«Судьба моей землячки в судьбе страны»

Наше поколение должно знать о земляках, на долю которых выпали страшные испытания. Для кого долг, совесть, честь, преданность Родине были повседневным состоянием характера и души.

Результаты исследования.

1. Проскурины в Шаталовке.

Жительнице небольшого поселка Шаталовка, что в Северном районе Оренбургской области, Анне Васильевне Проскуриной в январе этого года исполнилось бы 95 лет, но в августе 2013 года её не стало. Судьба этой женщины неразрывно связана с историей многострадальной России

В далеком 1868 году приехали из Курской губернии переселенцы обживать новые земли. Всего их было 32 человека и среди них были дедушка Никита и бабушка Валентина Проскурины. А первым облюбывал эти места и переселился сюда Шаталов. Отсюда и название деревня получила Шаталовка. В материалах Самарского архива имеется такая запись: «От дороги из г. Бугульмы на Сергиевские Минеральные воды находилась деревня Шаталовка Добринской волости. В 1889 году в деревне 65 дворов, 352 жителя».¹ Отец Анны Васильевны родился уже в Шаталовке. Всего в

семье было шесть братьев и три сестры. Многодетная семья Проскуриных все свои дальнейшие жизненные планы строила именно с этой деревней, с этими живописными местами. Один из сыновей Проскуриных Василий женился на дочери Ефима Шаталова Елене.

Бывших курских переселенцев в этой местности устраивало все: и живописная природа, и не тронутая до их прихода земля, работать на которой приходилось с раннего утра и до позднего вечера. И хотя монотонный, изнурительный труд сильно изматывал человека за летний сезон, каждый из них мечтал о благополучии своей семьи.

В 1895 году в деревне вспыхнула эпидемия оспы. Болезнь «косила» крестьян. Заболела оспой и бабушка Валентина. В деревне было имение врача Я.П. Полетика, местные жители обращались к нему, но и врач ничего не мог сделать со страшной эпидемией. Бабушка умерла. По данным Самарского архива (Ф-3 1066) в Бугульминском уезде за период с 1892 по 1895 годы умерло от оспы 2521 человек.

Неурожайный 1906 год вызвал голод, который сопровождался широким распространением брюшного тифа и цинги. Именно в этот год, заболев брюшным тифом, умер дедушка Никита.

Василий Никитич Проскурин старался прочно встать на ноги. Друг за другом родились в семье два сына, потом три дочери и ещё 4 сына. Анна родилась девятым ребенком в семье Василия Никитича и Елены Ефимовны Проскуриных, в 1919 году. Работая в поле «до седьмого пота», к себе в помощники Василий брал старших детей. Глядя на Василия Никитича, сыновья, одержимые тем, что когда-нибудь жизнь в доме наладится и не придется делить каждый кусок, трудились так же усердно, как и их отец. Сеяли рожь, овес, гречку, полбу, просо, ячмень. Мужчинам доставалась более тяжелая работа: сеяли, пахали, косили, молотили. Женщины жали серпами, вязали снопы, укладывали в скирды, сгребали сено граблями, а зимой пряли, ткали, вязали.

2.Кулаки по несчастью

Шел 1929 год. Анне исполнилось десять лет, и она хорошо помнит, как началась в селе коллективизация.

«Во второй половине 1929 года началась сплошная коллективизация в стране... Коллективизация сельского хозяйства проходила в обстановке ожесточенной борьбы с кулачеством, которое развернуло бешеную агитацию против колхозов, запугивало желающих перейти к коллективным формам ведения хозяйства... На основе сплошной коллективизации развернулась ликвидация кулачества как класса». (из учебного пособия «История родного края» под редакцией П.И.Сучкова)

Если бы знали Проскурины, чем обернется их «благополучие», то наверняка бы не стали заниматься разведением лошадей, которых и было на их подворье всего-то две головы. Однако и это явилось поводом для того, чтобы записать их в один список с теми, кто не разделял взгляды Советской власти и не вступал в колхоз. Незамедлительным стало решение местного руководства о том, что Проскурины подлежат и раскулачиванию, и переезду на другое поселение. Бывшую коммуны несколько не смущал тот факт, что на попечении главы семейства находилось не много - не мало, а одиннадцать ртов.

Анна Васильевна вспоминает: « Отец не был против колхозов, просто он не хотел отдавать все в колхоз, хотел оставить одну коровенку и лошадь, чтобы мы не голодали. Но его признали кулаком, обвинили бог весть в чем. Помню тот день, как сегодня. Пришли к нам четверо мужчин. Сначала выгнали всю скотину и увели в колхоз. Я тогда не понимала, что такое колхоз и думала, что решили на мясо отправить мою любимую буренку. Мама плакала, старшие братья стояли молча. Потом пришли ещё раз и велели убираться из дома. Отец решил искать справедливости у односельчан. Он весь день ходил по соседям и родственникам и просил замолвить за него слово на собрании».

Не найдя правды и поддержки у своих земляков, Проскурины вскоре покинули Шаталовку.

Анна Васильевна рассказывает: « Мы собрали в узел необходимые вещи, правда, из теплой одежды почти ничего не осталось: конфисковали шубу брата, тулуп, мамину шаль, две юбки сестер. Рано утром все 11 человек: отец с матерью и девять детей, отправились пешком в никуда.

« Я спрашивала отца: «Куда мы идем?» Он молчал. К вечеру мы пришли в деревню Черновка, там жили родственники. Они нас приютили только на одну ночь, так как боялись, что и их привлекут за пособничество кулакам.»

Два дня семья Проскуриных добиралась до Бугульмы. Их приютили добрые люди. Утром следующего дня старшие братья, отец и сестра пошли искать работу. Так, перебиваясь с куска на кусок, перезимовали в Бугульме. Весной решил отец вернуться в Шаталовку, чтобы узнать обстановку и просить разрешения снова поселиться там. Семья осталась в Бугульме. Василий Никитич не возвращался месяц. Вернулся и сообщил семье, что в деревне поселиться снова не разрешили. Нужно было искать место постоянного жительства. Мечтали снова получить где-нибудь земельный надел и заниматься земледелием. Крестьянская душа просила. Но бывшим «кулакам» в то время трудно было получить снова надел земли. Один из знакомых отца предложил переехать в Ленинград. « Там работу найдете, жилье получите и все у вас наладится»,- говорил знакомый отцу. Так Проскурины оказались в Ленинграде. Поселились в коммунальной квартире. Семья занимала одну комнату. Старшие сыновья и дочери Василия Никитича и Елены Ефимовны, обустроившись на новом месте и привыкнув к городской жизни, не только нашли работу на заводах и фабриках питерской столицы, но и успели завести свои семьи. В самом расцвете сил находилась и Анна, которой к началу грозного сорок первого года исполнилось двадцать лет...

3. Ленинград принимает бой.

В белую ночь на 22 июня 1941 года над Выборгом появились самолеты, на крыльях которых четко вырисовывались черные кресты. Вскоре грохот

первых зенитных залпов открыл мирным людям глаза на невиданное предательское нападение на нашу Родину.

Фашисты, захлебываясь от восторга, извещали на весь мир, что «захват Ленинграда является вопросом нескольких дней».

Но Ленинград принял бой. На помощь солдатам пришли ополченцы, жители города стали помогать строить укрытия, молодые женщины, девушки, пройдя срочные медицинские курсы, стали сандружинницами.

Почти каждый день Ленинград подвергался фашистскому артобстрелу, но город не сдавался, хотя с каждым днем его жителям становилось все труднее и труднее. Вот как описывает город в своих воспоминаниях бывший фронтовой артист К.А.Гузин (В.Я.Меркулова «Без антракта»): «Улицы были полупустынны, витрины магазинов заколочены, трамваи еле-еле ползли. Но больше всего меня поразило вид людей. Обычно торопливые, вечно куда-то спешащие ленинградцы теперь ходили медленно. Женщины сменили модные шляпки на теплые платки, мужчины были почему-то перепоясаны поверх пальто ремешками, а иногда просто веревками. Позднее я понял, что это делалось для тепла. Но главное - это лица! Недостаточное питание начинало уже накладывать на них зловещую печать». Это было в начале блокады. К 8 сентября 1941 года в Ленинграде насчитывалось два миллиона восьмисот семь тысяч жителей, четыреста тысяч из них - детей. Запасов продовольствия из расчета жестких блокадных норм было на две-три недели. Ждать помощи неоткуда. Блокадное кольцо сжалось вокруг города. Все железные и шоссейные дороги, все пути перерезали, в небе над Ладожским озером господствовала вражеская авиация.

В числе многих добровольцев ушли на фронт старшие сыновья Проскуриных. В городе остались пожилые родители, жены их сыновей, дети. Анна Васильевна вместе со своими родственниками ходила копать окопы, а ее племянники-подростки дежурили на крышах, тушили зажигалки, ходили на военные занятия.

А.В.Проскурина вспоминает: « Жили мы недалеко от Кировского завода. Каждый день обстреливали наш район, фашисты метили завод уничтожить. Пожары вспыхивали то здесь, то там. Только наступало затишье, мы начинали тушить. Не помню дату, но точно помню, что был сентябрь. В этот день особенно долго бомбили наш Кировский район. Мы спрятались в бомбоубежище. Там одна старушка сидела на кровати и молилась. Она перешла жить сюда после того, как разрушили её дом. Я прижалась к её кровати и думала о сестре: сумела ли она добежать до бомбоубежища, бомбили корпуса завода, где она работала. Наконец объявили, что можно выходить наружу. Мы увидели страшную картину: все вокруг полыхало, наши дома были разрушены, кругом лежали трупы. Я начала бегать искать родственников. Так мы остались без крыши над головой, без одежды и еды. Нас переселили в другой дом.» В книге Н.П.Мильченко «Залпы над Невой» удалось обнаружить подтверждение словам Анны Васильевны: « В первые дни блокады особенно ожесточенным артобстрелам подвергались Московский и Кировский районы, а из конкретных объектов- Торговый порт и Кировский завод. Достаточно сказать, что только с 4 по 15 сентября враг разрушил и повредил здесь 346 каменных домов, 38 производственных зданий, привел в негодность 254 метра трамвайных путей. В результате бомбежек за этот период в городе возникло 634 очага пожаров» .

Каждый день Анна Васильевна шла на земляные работы. Рыли окопы. Иногда казалось, что больше нет сил поднять лопату, но все хотели хоть чем-то помочь родному городу. Из воспоминаний Анны Васильевны: « В начале октября нас отправили вытрясать пустые мешки из- под муки на какой-то склад. Мы аккуратно собирали каждую пылинку муки. Мучная пыль ложилась на руки, и я слизывала её. Казалось, что вкуснее нет ничего на свете. Ежедневно мы получали в булочной кусочек черного хлеба-125 граммов. Я делила этот кусочек на три части. Один съедала утром, второй- в обед, а третий -на ужин.»

Наступила зима. В городе не стало ни тепла, ни продовольствия. Топлива едва хватало для поддержания наиболее важных промышленных предприятий, наиболее крупных госпиталей. Весь город стоял без света, обледеневший. Трамваи не ходили. Водопровод и канализация не действовали. Улицы поросли ледяной коркой, были завалены снегом и отбросами. В домах целые семьи умирали от голода и холода.

В ноябре Анна Васильевна была направлена на завод. У защитников Ленинграда было туго с боеприпасами, так как резко сократилось снабжение снарядами с Большой земли. В Ленинграде на гражданских предприятиях и заводах был срочно налажен выпуск боеприпасов. Для Анны Васильевны это дело было новое, поэтому ей пришлось в учениках походить у четырнадцатилетнего парнишки.

А.В.Проскурина вспоминает: «Ноябрь был очень тяжелым. Бомбили фашисты без остановки. Во время воздушной тревоги мы уходили в убежище, а потом уже и бояться не стали: продолжали работать. В начале декабря неделю не выходила с завода. Поспишь часок возле станка и снова за работу. Тогда хотелось больше снарядов сделать, чтобы быстрее блокаду прорвали. Однажды я уснула за работой, упала на станок и чудом осталась живой, правда поранилась сильно. Мы так уставали, что и есть не хотелось. Пили кипяток, желудок был полным и казалось, что ты наелся досыта. Правда проходило немного времени, и снова в желудке начинало «сосать».

В конце декабря увеличили норму хлеба до 200 грамм, а Анна Васильевна получала 300 граммов, как рабочая. Анна Васильевна старалась отделить от своего кусочка еще и родителям. К этому времени они уже не могли ходить, настолько организм был истощен. А. В. Проскурина ухаживала не только за истощенными престарелыми родителями, но и за другими членами семьи. На работе получала папиросы, бегала в Крондштадт менять на хлеб, чтобы накормить близких ей сердцу людей. Однажды удалось поменять папиросы на баночку консервов. Вечером она макала кусочек хлеба в консервное масло и кормила родителей. Думала, что скоро

они встанут и снова ей не придется каждый день прибегать с завода домой, чтобы напоить их кипятком и разделить пайку хлеба. Через несколько дней руки и ноги родителей отекали, сделались похожими на чурбаки, бессильные они лежали в кровати. Сосед принес «буржуйку» так называли железную печку. Сноха принесла с завода обломки какого-то шкафа, и затопили печку. На следующий день Анна Васильевна прибежала с работы и побежала в булочную, чтобы отоварить карточки. Она ещё не знала, что на семью обрушилось горе: умерла мама Елена Ефимовна. Мертвая тишина постепенно стала поселяться в квартире Проскуриных. После смерти мамы через пару дней умер Василий Никитич. Потом в один день, прижавшись друг к другу, умерли подростки-племянники. Завернутых в простыни, одеяла умерших везли на детских салазках к ближайшим больницам и кладбищам.

Вид пешехода – мужчины, женщины, подростка, везущего детские санки с прикрученными к ним телом покойника, обернутым в одеяло или кусок полотна, - было обычным явлением, как, впрочем, и умирающий человек на заснеженной улице. Трупы увозили на грузовиках, как дрова. В Ленинграде по официальным данным умерли от голода в ноябре 11085 человек, в декабре – 52881 человек.

А.В.Проскурина вспоминает: « Очень жалко было племянников, ведь они пожить-то не успели. Я плакала и думала, что скоро и меня постигнет такая же участь. Помню день, когда умерла моя сестра. Я шла с работы, было уже темно. Обессилев, я опустилась на грудь кирпичей и заплакала. Так не хотелось мне здоровой девушке умирать от голода. Только бы съесть кусочек, чтобы появились силы. Я заставила себя встать и идти, дома меня ждали. Когда я вошла в комнату, то увидела, что сестра лежит возле двери, видимо, она хотела выйти на улицу, но сил не хватило. Я накрыла её старой шторой, так и просидела возле неё до утра. На следующий день я пошла на работу, оставив сестру со снохой дома. Два дня не выходила с завода, снаряды срочно были нужны, военный ждал, когда мы изготовим нужное количество. Через два дня я возвращалась домой, плакать я уже не могла,

оказывается и к смертям человек может привыкнуть. Рядом с сестрой лежала уже мертвая сноха. Я по очереди отвезла их на солдатском плаще во двор больницы, а оттуда их погрузили в грузовик и увезли на кладбище».

Измученная голодом и холодом Анна Васильевна продолжала работать на заводе. Бывало, неделями не покидала заводской цех. Её поставили на сборку гранат. Однажды, девушка, работающая рядом с ней, потеряла сознание, её отнесли в подсобку, и там она тихо умерла. Анна Васильевна решила выполнить не только свою норму, но и её. Так она простояла у конвейера 24 часа.

«Я так мстила фашистам за своих родных, за всех ленинградцев», - говорит Анна Васильевна.

Одиннадцать членов своей большой и дружной семьи пришлось похоронить Анне Васильевне.. Они так и не дожили до первой блокадной весны сорок второго года... Мне кажется, что до сих пор точно не подсчитано, сколько ленинградцев погибло в этой страшной войне.

Всего на Пискаревском кладбище захоронено 470000 жертв блокады. Четыре брата из пяти погибли на фронте. Всего война унесла 19 человек из большого рода Проскуриных. В самом начале блокады удалось эвакуироваться только одной сестре Христиании, она похоронена на родине в Шаталовке.

4. Снова на родной земле

С дистрофией второй степени была отправлена в Чкаловскую область

А. В. Проскурина в 1944 году после снятия блокады. Родные, встретив ее на станции Дымка, с трудом узнали в истощенной и болезненной девушке некогда веселую и красивую Анну...

Так произошел приезд нашей землячки на свою малую родину. И хотя условия проживания в Шаталовке тоже были не из легких, блокадница все же нашла в себе силы вновь вернуться к нормальной жизни.